

Эдуард Веркин

Облачный полк

Повесть

Москва **КомпасГид**
издательский дом
2019

УДК 821.161.-31-93Веркин Э.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

В32

Автор обложки Олег Брауде

Веркин, Эдуард.

В32 **Облачный полк** : [для ст. шк. возраста: 16+] / Эдуард Веркин ; [авт. обл. О. Брауде] . — 5-е изд., [редизайн]. — М. : КомпасГид, 2019. — 296 с.
ISBN 978-5-00083-578-4

Сегодня писать о войне — о той самой, Великой Отечественной, — сложно. Потому что много уже написано и рассказано, потому что сейчас уже почти не осталось тех, кто ее помнит. Писать для подростков сложно вдвойне. Современное молодое поколение, кажется, интересуют совсем другие вещи...

Оказывается, нет! Именно подростки отдали этой книге первое место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру». Именно у них эта пронзительная повесть нашла самый живой отклик. Сложная, неоднозначная, она порой выворачивает душу наизнанку, но и заставляет лучше почувствовать и понять то, что было.

Перед глазами предстанут они: по пояс в грязи и снегу, партизаны конвоируют перепуганных полицаев, выменивают у немцев гранаты за знаменитую лендливовскую тушенку, отчаянно хотят отогреться и наесться. Вот Димка, потерявший семью в первые дни войны, взявший в руки оружие и мечтающий открыть наконец счет убитым фрицам. Вот и дерзкий Саныч, заговоренный цыганкой от пули и фотокадра, болтун и боец от бога, боящийся всего трех вещей: предательства, топтуна из бабкиных сказок и строгой девушки Алевтины. А тут Ковалец, заботливо приглаживающий волосы франтовской расческой, но смелый и отчаянный воин. Или Шурик по кличке Щурый, мечтающий получить наконец свой первый пистолет...

Двадцатый век закрыл свои двери, и в нем остались миллионы жизней, которые унесли многочисленные войны. Но сквозь пороховой дым смотрят на нас и Саныч, и Ковалец, и Алька, и многие другие. Кто они? Сложно сказать. Ясно одно: все они — облачный полк.

«Облачный полк» — современная книга о войне и ее героях, книга о судьбах, о долге и, конечно, о мужестве жить. Книга, написанная в канонах отечественной юношеской прозы, но смело через эти каноны переступающая. Отсутствие «геройства», простота, недосказанность, обыденность ВОЙНЫ ставят эту книгу в один ряд с лучшими произведениями XX века.

Помимо «Книгуру» «Облачный полк» был отмечен также премиями им. В. Крапивина и им. П. Бажова, вошел в лонг-лист премии им. И. П. Белкина и в шорт-лист премии им. Л. Толстого «Ясная Поляна».

УДК 821.161.-31-93Веркин Э.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-578-4

© Веркин Э. Н., текст, 2012

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Предисловие

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Эти строки написал Николай Майоров. В феврале 1942 года двадцатидвухлетний поэт погиб в бою под Смоленском.

Двадцать два года — совсем немного. Но все же больше, чем довелось прожить герою книги, которую вы держите сейчас в руках.

У них, наверное, ничего общего не было, у того деревенского парня и у поэта, студента московского университета. Ничего общего. Разве что гибель на войне. И мифы. Один их предвидел, а другой стал их героем.

Стал не по своей воле — так получилось. Но уже миф зажил своей собственной жизнью. Теперь, чтобы прикоснуться к нему, требуется немалое мужество.

Как оказалось, Эдуард Веркин — очень мужественный человек. Он решился говорить с читателем на тему не то чтобы табуированную, но очень нелегкую. Он решился поднять

в своей книге вопросы, которыми мало кто задается. Он решил говорить не так, как говорят об этом обычно.

Впрочем, Веркин, кажется, никогда и ни о чем не говорит так, как говорят об этом обычно. То есть и слова вроде обычные, и темы самые обычные, даже сюжеты порой обыкновенные. Но Эдуард Веркин чуть поворачивает обыкновенный сюжет, находит, с какой стороны подойти к обычной теме, придумывает, в каком порядке расположить самые обычные слова, — и получает невероятный результат. Собственно, это и называется писательским талантом, подтверждение которому — пять побед подряд в крупных литературных конкурсах.

Однако даже на звездной полке Эдуарда Веркина, на которой живут сериал «Место снов», романы «Друг-апрель» и «Мертвец», «Облачный полк» стоит особняком. Дело в том, что действие предыдущих книг происходит в хоть реальной, хоть фэнтезийной, но современности. А «Облачный полк» — роман исторический. Его героям приходится не только переживать обычный для подростков кризис взросления, но и справляться с обстоятельствами, которые вовсе не успокаивают. Герои «Облачного полка» оказались заложниками этих самых страшных обстоятельств и вынуждены бороться с ними по-настоящему: с оружием в руках. Но сказать, что рядом с этими обстоятельствами меркнут все другие проблемы, которые обычно волнуют подростка, — это значит сказать неправду. Потому что всегда и везде для человека будут важны друзья и враги, отношения между людьми, отношения с миром, первая любовь, познание себя. И честь. И честность.

Я очень боюсь рассказывать еще что-то об этом романе: трудно удержаться от спойлеров. Трудно, но необходимо.

Потому что «Облачный полк» — это тот путь, который читатель должен пройти сам. Обязан пройти. Неслучайно московский журналист Шамиль Идиатуллин сказал о романе: «Его необходимо прочесть каждому, кто читает по-русски».

* * *

Прежде чем эта книга появилась в том виде, в каком вы держите ее сейчас в руках, больше тысячи читателей — и юных, и тех, кого принято называть взрослыми, — проголосовали за нее. Рукопись романа «Облачный полк» вышла в финал Национального конкурса на лучшее литературное произведение «Книгуру» и была опубликована на сайте конкурса, чтобы дальнейшую судьбу этого текста и еще четырнадцати других определило читательское жюри. Читатели присудили произведению Эдуарда Веркина безоговорочную победу.

Ксения Молдавская

Глава 1

— Как свистеть-то?

— Можно не свистеть, можно кричать.

— Кричать?

— Издавать боевые кличи, — поясняю я. — Вот так примерно.

Я кричу. Кажется, получается не очень: пискляво, как-то даже капитулянтски. Я от себя такого не ожидал. Вовка хихикает.

— Не страшно, — говорит он. — Совсем-совсем. Надо могуче. Я про теннисистов видел передачу, они всегда кричат — так сильнее бить получается. И каратисты кричат. И штангисты — они тоже ведь толкают. Толкать, наверное, тоже с криком легче?

— Наверное.

— Тогда попробую.

Вовка набирает воздуха, сводит облезлые от загара лопатки и с чужим криком срывается с места.

Перепрыгивая через корни сосен, выставив перед собой руки, несется по песчаному откосу, врезается в нос лодки. Бешено месит ногами песок, зарывается почти по колению, рычит, упираясь лбом в водорез.

Лодка сдвигается сантиметров на двадцать, на полшага.

— Видел?! — победно кричит Вовка. — Видел, а?! А ты говорил!

Он оставляет лодку, заходит по колено в реку, сует голову в воду. Минуту держит дыхание: легкие развивает.

Выныривает.

— Тут везде рыба мелкая сидит. — Вовка проглаживает ладонью волосы, отжимает влагу. — Килька какая-то наглая... Видел, как лодка сдвинулась? На метр!

— Так до вечера толкать будешь.

— Не, не до вечера. Уже немного совсем осталось, я уж дотолкаю.

Вовка вновь поднимается по берегу, собирает створки жемчужниц. Кажется, он собирается сделать из них ожерелье.

— Еще раза три, — говорит Вовка. — Потом вода уже сама подхватит.

Вовка прячет жемчужниц в рюкзак, поворачивается к реке, разбегается, врывается в лодку — двадцать сантиметров.

— Ага! — Вовка пинает посудину в бок. — Вот так!

Возвращается, набирает высоту и обратно.

Этим он занимается уже почти час. Упорный. Я бы давно бросил. Взял бы вон ту жердину, подцепил киль, навалился плечом да и сдвинул. Или за корму раскачал, лодка бы и снялась. Но ему так неинтересно.

Я сижу на обрыве, греюсь, шевелю пальцами. Ага, суббота, суббота ленива, как старый пес. Особенно до обеда, смола и мед, и пахнет примерно так же, и в небе висят сонные птицы, кажется, чайки, ну-ка...

— Это парaplаны, — перехватывает Вовка мой взгляд. — В Рыбачьем пять штук, по восемьсот рублей катают. Говорят, здорово. Над заливом и вдоль берега...

Вовка вздыхает.

— Твой дед меня убьет, — отвечаю я.

— Да он и не узнает, — отмахивается Вовка. — Он свечи менять думает, теперь целый день провозится.

— И отец убьет, — напоминаю я.

— Отец сам с парашютом прыгнуть собирается.

— Он уже двадцать лет собирается. Еще пару годков — и ни один парашют его уже не выдержит.

— Это да...

В полдень часы переворачиваются, время чуть ускоряется, и жизнь уже не так интересна. А с восьми до двенадцати — то что надо: чувствуешь перспективу. Минуты не спешат, и ты не спешишь вместе с ними. Можно забраться поглубже в кресло и смотреть на залив, на острую полоску воды между красными соснами. Иногда там мелькает белый парус, а иногда зеленый.

Сегодня никакого.

Вовка залезает на сиденье лодки, срывает бандану, машет в небо. Поскальзывается, падает в воду, поднимается, трава через плечо, выбирается на песок. Толкает лодку. Всё, мимо, устал.

— Опять не получилось, — говорит Вовка. — Тяжелая...

— Помочь?

— Не, не надо, завтра сам столкну. Все равно сегодня не успели бы.

Это точно: сегодня мы вообще редко куда успеваем.

— Пойдем, что ли...

Вовка смотрит на часы.

— Пойдем, а то опять орать будут. Весла только возьму...

Он сбегает к лодке, выворачивает весла. Тяжелые, почерневшие, настоящие весла с пиратских шлюпок. Забрасывает

на плечи, продавливаясь в песок, взбирается наверх. Пытается насвистывать залихватское. Весла раскачивают его справа налево.

Мы шагаем сквозь сосны. Вовка цепляется веслами, а тащить их вертикально у него сил не хватает. Когда падает в четвертый раз, начинает ругаться. Сначала ругает весла, затем лодку, затем своего тренера, погоду и почему-то японцев; чем уж они ему не угодили? И белок, которые обнаглели и украли у него с утра две чурчхелы. Они его доведут — возьмется за пневматику...

Весело у него получается, злобно. Очень скоро я понимаю истоки вдохновения: на крыльце нас уже поджидают. И скоро ругают уже Вовку. Занудно, долго, на два голоса, один мудрее другого. Мне надоедает это слушать, и я отправляюсь на веранду. Устраиваюсь в кресле, натягиваю валенки, вытягиваю ноги. Валенки в августе, сон в субботний полдень.

В двенадцать просыпаются звуки. Вовка притащил из гаража стремянку и разбирает антресоли. Гремит алюминиевой посудой, роняет чугуны и подшивки «Роман-газеты». Роняет котелки, футляр от аккордеона, старые пластинки с небрежными царапинами вдоль и глубокими поперек. Роняет брошюры о лыжном туризме и аквариумистике, связанные в плотные пачки. Брякает самоварами. Когда-то я коллекционировал самовары, можно сказать, был знатоком самоварного дела. До сих пор отличу по звуку: вот грохнулся настоящий столетний тульский пузан, двухведерный, с медалями; а вот — современный, легонький, хотя и тоже тульский, покатился, как консервная банка, — звук несерьезный.

А еще другие звуки: мопед, например. Дребезжащий и звонкий, похожий на будильник, спрятанный в кастрюлю; это у соседей справа (кажется, Ключниковы). Мальчишка

и мопед — опасная смесь. Бездельник снял глушитель и ревет на всю округу, приводя в ужас окружающих пенсионеров. Сорок лет назад бездельник снимал глушитель, и двадцать лет назад снимал глушитель; бездельник всегда будет снимать глушитель и нарушать покой мирных жителей.

Вовка чихает — ветер несет пыль с дороги, а окна я летом не закрываю. Всех дачников, кстати, эта пыль чрезвычайно раздражает, а меня вот нет, мне нравится, что вокруг песок и сосны, а какой песок без пыли? Она плещется в забытых ботинках, скрипит в подшипниках велосипедов, окрашивает красным белоснежных резиновых лебедей. Но больше всего она, конечно же, любит черный лак «бумера», оседает на нем оранжевым марсианским порошком. А я нарочно не вытираю.

Во-первых, это бесит старшего. Это его тайная машина. Он приезжает сюда раз в месяц, полирует бампер и диски, слушает мотор, сидит за рулем, смотрит на воду. Никуда почти не ездит, просто смотрит.

Во-вторых, это нравится Вовке. Он рисует по пыли чертей. Это, конечно, не настоящие черти, а какие-то мультяшные беззубые звери, названия которых я никак не могу запомнить. А еще он пишет на полировке «козявка», «грязнуля», «деда, я чешусь». От этой живописи старший приходит в сдержанное бешенство, но ругаться не осмеливается: боится, что младший рассердится и перестанет вывозить Вовку ко мне.

Голоса. Старший — сын, младший — внук. На даче прекрасная звукопередача, уж не знаю, отчего так, наверное, из-за воздуха. Чистый воздух, как барабан, — я все слышу. Ругаются из-за мяса. Младший жарит шашлык, а старший, оказывается, рассчитывал на кебаб. Говорит, что шашлык — это общее место: выйди к реке, и под каждой ракитой

встретишь угрюмых людей с шампурами и тоской в глазах. Младший хихикает и предлагает познакомить старшего с одним хорошим ортодонтом, потому что, если уж человек переходит с шашлыка на кебаб, ему стоит серьезно озаботиться. Ну и так далее...

Из-за двери втягивается назойливый мясной дымок. Просил у реки жарить, но они же ленивые, им не лень только собачиться (завтра залью им в мангал гудрончика — так, немного, для аппетита).

Собака, кстати, тоже брешет. Это у Лобановых. Пустолайка, соседи жалуются, а мне нравится: лает и лает, если лают собаки, значит, жизнь продолжается.

Вовка спрыгивает со стремянки, чихает, потирает нос, протягивает мне блестящую коробочку.

— Это что?

— Папиросница. Очень удобная вещь: вот сюда сыпешь табак, вот сюда вкладываешь бумагу, поворачиваешь ручку — и получается папироса.

— Зачем?

— Курить.

— Понятно. А я думал, вы раньше только трубки курили.

— Я вообще не курил.

— А зачем тогда папиросница? Это память?

— Ага.

Вообще-то это не память. Вообще-то это я махнул не глядя. Перочинный ножик с серебряными накладками, пять лезвий, отвертка, штопор и даже маленькие такие ножнички, сбоку выдвигаются. Но в «махнемся» свои правила: можно очень удачно поменяться, а можно ложку на вилку. Хотя с другой стороны, память, конечно. Все тогда были в таком настроении: обнимались, кричали, менялись неделю, как

пьяные. Вот и я поменялся. И не жалел: память на самом деле. И работает до сих пор. Лет восемь назад работала...

— А можно это мне будет, а не Петьке? Ну, потом?

— Можно. Только Петьке надо тоже что-нибудь оставить. Он ведь тоже мой правнук.

— Зачем? — морщится Вовка. — Он к тебе раз в год приезжает, а мы почти каждую неделю. Пусть дырчик в сарае берет, он технику любит. А мне папиросница, я курить буду.

Вовка трет папиросницу пальцем, возвращается на стремянку, роняет очередной самовар.

— Осторожнее там.

— Нормально, — щурится от пыли Вовка.

— А как ключица?

— Тоже нормально. В четверг ездили на рентген, два часа проторчали.

— Чего так?

— Дедушка ругался, чтобы мне выдали свинцовые трусы, а врач говорил, что в этом аппарате свинцовые трусы уже не нужны. Но дедушка очень рассердился и стал кричать, что ребенок без трусов в аппарат не войдет!

Вовка хихикает.

Свинцовые трусы. Это очень похоже на моего сына.

— И что же дальше?

— Дальше доктор тоже стал кричать. Он очень сильно покраснел, стукнул кулаком по рентгену и куда-то ушел. А потом вернулся.

— С трусами?

— Ага. Только они оказались очень большие и тяжелые, я их даже от пола оторвать не мог. Дедушка сказал, что он пойдет со мной в камеру и подержит трусы за меня, пока

доктор будет фотографировать. На что доктор ответил, что рентген не баня, туда вдвоем не ходят.

Теперь смеюсь уже я.

— Тут как раз в поликлинику папа приехал, — продолжает рассказывать Вовка. — Сказал, что доктор прав, можно и без трусов. Это немецкие аппараты, они совсем не излучают. Так что дедушка может оставить свое мракобесие...

Вовка ухмыляется: наверное, представляет, что такое мракобесие.

— Так вот, дедушка пусть прекращает беситься и не мешает лечить ребенка, у него скоро соревнования. Нечего из-за своих мохнатых предрассудков ставить под угрозу спортивное будущее.

Мохнатые предрассудки Вовку не веселят. Спортивное будущее. Это уже похоже на моего внука.

— И чем дело закончилось?

Вовка пожимает плечами.

— Приехала мама.

— Понятно.

Мама у нас серьезная девушка.

— Так что с ключицей у меня уже все в порядке. На рыбалку можно, на стремянку тоже. На чердак. Я кеды специальные надел.

Вовка демонстрирует кеды цвета свежей лягушачьей кожи.

— Хорошие тапки.

— Тогда на чердак? В прошлый раз ведь недоразобрали...

Но отправиться на чердак не получается — дверь на веранду открывается, и являются оба, и оба сразу впиваются в Вовкины кеды.

— Опять на чердак лезете? — недовольно спрашивает мой сын.

— Да пусть лезут, там же здорово, — говорит мой внук. — Сети висят, лампа керосиновая, «Моделист-конструктор»... Я там все детство просидел.

— Это заметно. Лучше б ты за партой просидел. Ты, между прочим, в этих сетях едва не задавился, помнишь? Я уж не говорю про «Конструктор»...

Сын поворачивается ко мне, протирает платком очки. Потеет. Толстый. Нервный. Старый. Никогда не думал, что у меня будет такой старый сын.

— Отец, ты помнишь, как он арбалет смастерил? — сын смотрит на меня. — Мне же потом перед родителями того мальчика неделю пришлось извиняться! Чердак! Там же пыль, там же прах, там же микробы кишат! У ребенка от вашего спорта иммунитет ослаблен — он носом постоянно хлюпает. Он же аллергик! Какой ему чердак?!

— У каждого мальчишки должен быть свой чердак, — тут же возражает внук. — Штаб на дереве или шалаш...

Тоже, кстати, толстый. Толстеющий. На затылке заметная складка, так и хочется за нее подержаться, какой ему парашют... Никогда не думал, что у моих внуков на затылке будет такая складка.

— Не надо мне рассказывать про шалаш! — едва не взвизгивает сын. — Не надо мне про ночевки рассказывать! Ночевки... Я до сих пор не могу радикулит залечить! Чердак... Ты еще снежный дом вспомни!

Они опять начинают ругаться.

Мой сын и мой внук ругаются почти всегда, сколько я их помню вместе. Конфликт поколений, ничего не поделаешь. Внук говорит, что нечего проецировать свой непроходимый ридикюль на десятилетнего пацана. У него пока никакого радикулита не предвидится, ему нужно думать о спортивном

будущем, а не о позвонках прародителя. Сын возражает. Кричит (он почти всегда кричит), что мальчику необходима интеллектуальная пища, из него же не получится хоккеист, никогда не получится, это видно, пора прекратить издеваться над ребенком и увидеть, к чему у него есть предпочтения, а предпочтения у него зримо гуманитарные...

Вовка трет уши. Родители ссорятся. В конце концов происходит то, что происходит всегда: они забывают про нас, выходят в сад и продолжают браниться уже там. Вдруг младший начинает ругаться особенно громко, просто яростно, собирается кого-то убить, порвать на протирку, пустить на фантики. Старший смеется. Младший кричит в бешенстве. Кажется, у них пропало шашлычное мясо из кастрюли. Это лобановская Пустолайка. Она ко всем заглядывает, попрошайничает, хотя хозяева ее хорошо кормят, просто такая вот натура. Ну а если что плохо лежит...

Младший вопит, что теперь надо ехать за мясом и начинать все сначала, а уже почти час; старший отвечает, что это знак судьбы, пора давно отказаться от этих вульгарных шашлыков, да и вообще от мяса, можно ведь купить креветок, ароматные перцы, индейку, на крайний случай люля-кебаб. Про нас они забывают совершенно, отправляются за кебабом. Или за креветками. Становится очень тихо. Ну, кроме мопеда — он орет.

— Ну, что делать-то будем? — спрашивает Вовка уныло. — Потренируемся, может, если на чердак все равно нельзя. Папка говорит, «рыбку» надо до четырех минут доводить...

— А сам он сколько держит?

— А нисколько: у него же давление. Ну что, за секундомером бежать?

— Не бежать. Полезем на чердак.

— Так там же пыль... — Вовка смотрит в потолок. — Аллергия может обостриться...

— Аллергия везде может обостриться. И всегда. И вообще, немного грязи не повредит, знаешь ли. Надо закаляться, мы всегда закалялись. Вперед.

Мы отправляемся в пристройку, долго приставляем лестницу к лазу, примеряемся. Вовка ползет первым, я за ним.

Чердак. Сети. Они тут висят, наверное, с... не помню. С Гагарина точно. Мы как тогда на Азовское море смотались, так я их сюда и повесил. Чтобы пахли солью, рыбой, чтобы чешуя блестела в ячейках, чтобы... Не знаю, когда развешивал эти сети, я вспоминал Ассоль и шпроты.

Вовка пробирается через сети, запутывается, распутывается, снова запутывается, смеется. В воздух поднимается серебристая пыль.

— А удочек нет? — Вовка выуживает из ячей засохшего пескаря (специально туда прицепил). — Бамбуковых?

— Зачем тебе? У тебя же пластиковые есть.

— Есть. Просто бамбуковые... — Вовка кусает пескаря в бок. — Солёный... Раньше ведь только бамбуковыми ловили.

— Пластиковые лучше.

— Лучше. Но бамбуковые ведь совсем другое дело, правда?

— Правда.

— Вот и я говорю...

Вовка садится на диван, провалистый и музыкальный. Диван скрипит, выдувая из себя, как из меха, фонтаны пыли. Это уже другая пыль — ее можно легко собрать в кулак, слепить птичку, как из хлебного мякиша.

— А в диване что? — Вовка стучит по красноватой обшивке.

— Ничего. Раньше в диваны ничего не складывали. Только скелеты.

— У тебя скелет там? — Вовка перестает подпрыгивать.

— Обязательно.

Вовка смеется. Но с дивана поднимается. Подходит к книжному стеллажу. В прошлый раз он разобрал его до второй полки. Но сегодня Вовка книгами не интересуется, стягивает с полки патефон.

— Пластинки там, в корзине.

Но пластинки Вовку тоже не интересуют. Он пристегивает к аппарату ручку, накручивает пружину, запускает механизм.

Я хочу еще раз предложить пластинки, но вдруг понимаю, что дурак: Вовку совсем не это интересует. Некоторое время мы сидим в чердачной тишине, прислушиваясь к потустороннему хрусту шестеренок, глядя на медленно вращающуюся тарелку. Ее шепот прерывается резким щелчком, Вовка закрывает крышку патефона, легко поднимает аппарат на третью полку — хоккеист как-никак.

— А ты что, шкаф с шубами уже убрал? — спрашивает он.

— Еще в мае, — отвечаю. — Убрал: в нем моль завелась, все шубы сожрала.

— Жаль. А то там интересно было. Шубы — здорово. У нас дома ни одной нет — мама животных защищает, ну, ты знаешь. А это что там?

Вовка возвращается к сетям, пробирается через них, снимает зеленую пластмассовую коробочку, подвешенную с краю.

— Блесны... А зачем тебе блесны, да еще зимние? Ого, финские, настоящие! Можно?

— Бери, конечно.

Вовка достает блесны, разглядывает, пробует крючки на ногте.

— Как лед станет, на рыбалку пойдём, — обещаю я. — На каникулах.

— Мы в Ярославль едем на каникулах, там же первенство. Нормальные блесны, сейчас таких нет... Ручная работа, кажется, посеребренные.

Вовка бродит в сетях, опрокидывает с полки банку с крошеным пенопластом — падает снег.

Я смеюсь.

Вовка выбирается из сетей, в чешуе, в пенопласте, довольный.

— А правда, что папа говорит? — спрашивает он.

— Что?

— Ну, что ты двадцать немцев убил.

— Двадцать?

— Двадцать. Это только из автомата!

И это только из автомата. Да...

— А еще семерых штыком заколол!

— Заколол?

— Ага. А остальных из ППШ.

— А ты откуда про ППШ знаешь?

Вообще-то я не очень удивлен, я давно уже не удивляюсь. Другие, новая порода, не такие, как мы. Но почему-то их я понимаю. Старшего не понимал, с младшим как с пришельцем разговаривал, а с Вовкой все не так. Хотя, может, это я в детство впадаю постепенно? Уже, пожалуй, пора. Давно пора вообще-то...

— У всех во время войны был ППШ, у тебя тоже должен быть. Или у тебя МП 40?

— Это смотря для чего, — отвечаю я. — Если к составу идти, то лучше с ППШ. А если так, то МП. А вообще мы с пистолетами больше ходили, так удобнее.

— Почему?

— А ты откуда столько про оружие знаешь? — вопросом на вопрос.

— А, — машет рукой Вовка, — книжки читаю.

Книжки он читает — это точно.

— У нас все почти в классе читают. — Вовка направляется к буфету, до него он в прошлый раз не добрался. — А тут что?

— Не помню.

— Посмотреть можно?

— Конечно.

Вовка открывает буфет, нюхает пыль.

— Тут посуда одна битая... — Вовка слегка разочарован. — Но выкидывать, конечно, нельзя, сейчас стекляшки, а через пятьдесят лет на это яхту купим. Пыль сдувать не надо, она предохраняет. Да и сам буфет тоже ничего, его уже сейчас в кино можно снимать.

Вовка бережно закрывает дверцы.

— Это наш родовой буфет? — спрашивает Вовка.

— Да, — отвечаю я.

Это, конечно, вранье, но знаю про это только я. Так что это уже наш родовой буфет. Его купил еще мой дедушка сразу после Крымской войны.

— Отличная вещь, лак как вчера положили, — Вовка стряхивает прилипший к буфету пенопласт. — Папка рассказывал, как он вырезал звездочку, а ты его выпорол. На левой дверце... А, вон она!

Вовка находит накорябанную звездочку, разглядывает ее неодобрительно.

Вовка любит старинные вещи, мимо «Антиквара» никогда не проходит. Вместе лезем в подвал, под подкову, под колокольчик. Я сижу на раритетной чугунной скамейке,

Вовка бродит по рядам, разглядывает значки, велосипедные фонари, наборы аптекарских гирек, дореволюционные будильники — все то, что валяется в изобилии на каждом чердаке от Москвы до Владивостока. Листает старые альбомы, рассматривая через лупу желтые фотографии незнакомок, щупает открытки. Кажется, на день рождения он просил у отца металлоискатель. А тот подарил ему коньки. Профессиональные, из какой-то там особой стали, ею можно трубы рубить. Зачем коньками рубить трубы?

— Сундук мы в прошлый раз так и не открыли, не успели. Давай сегодня, а?

Вовка снимает со стены связку, начинает подбирать ключ: постукивает по замку, некоторые ключи разглядывает пристально, в другие свистит.

— И что же вы там читаете? — спрашиваю я.

— А, всякое... — Вовка пробует очередной ключ. — Про выживание разное, про мутантов... Про краеведение. Но это я только, остальные это не очень любят, конечно.

— А про оружие в краеведческих книгах написано? — улыбаюсь я.

— Не, в краеведческих про краеведение. Почему реки так называются, где раньше дороги проходили, про монастыри. А оружие — это где про ядерную войну.

— Про ядерную войну?

— Угу.

Вовка подбирает ключ, замок щелкает, Вовка отскакивает, настороженно смотрит на меня.

— Сундук, — говорю я. — Еще твоему... прапрадеду принадлежал. Он его сам, кажется, и сделал.

— Обычный? — подозрительно спрашивает Вовка.

— Самый что ни на есть.